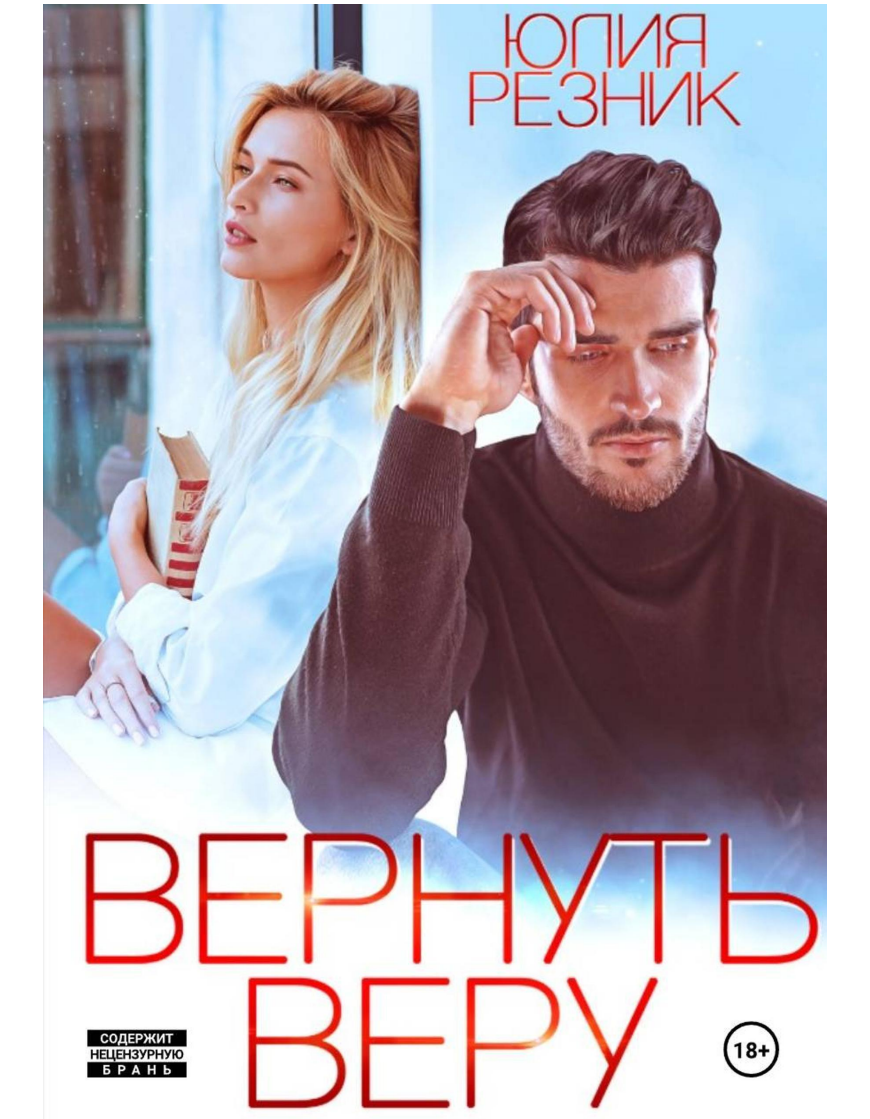

ЮЛИЯ
РЕЗНИК

ВЕРНУТЬ ВЕРУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Резник

Вернуть Веру

<https://litres.ru/73761302>

SelfPub; 2026

Аннотация

Когда-то у меня была Вера Она любила меня, а я думал лишь о выгодах, которые сулил наш брак. Я так отчаянно стремился вверх, в надежде обрести счастье, что не разглядел его у себя под носом. А когда понял, что потерял, было уже слишком поздно. Теперь у нее другой. Она счастлива, а я не могу забыть ее, не могу смириться. Похоже, мне остаётся лишь одно Вернуть Веру.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	46
Глава 6	57
Глава 7	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Юлия Резник

Вернуть Веру

Глава 1

Меня разбудил странный звук, который почему-то как-то по-особенному выбивался из шума, царившего на съемочной площадке вот уже вторую неделю. Не спрашивайте, кому пришлось в голову устраивать съемки «Новогоднего огонька» посреди лета. Точнее, это даже не «Огонек». Наш канал был ориентирован на более продвинутую аудиторию, но это не означало, что у нас какой-то особенный Дед Мороз. Нет-нет... Тут все по старинке. Синий тулуп и белая борода, которую я, к счастью, успел снять, перед тем как вырубился.

Я растер руками лицо, оглянулся по сторонам и резко сел. Диван в гримерке оказался дьявольски неудобным. Но я так сильно устал за последние дни, что уснул, едва мое тело приняло горизонтальное положение. Спустив ноги на пол, я прислушался, одной рукой растирая затекшие мышцы на шее, а другой – избавляясь от прилипших к телу тряпок. То, что я не сварился в них заживо, еще не означало, что смерть мне не грозила в принципе. Костюмерша у нас была баба жесткая. Старой закалки. На неё мои чары не действовали совер-

шенно. И это было особенно обидно, потому что она-то как раз имела возможность рассмотреть меня со всех наиболее выгодных ракурсов во время примерок.

Звук, который еще секунду назад больше всего походил на кошачье мяуканье, оборвался. И зазвучал вновь уже совсем по-другому. Более настойчиво. Громко... Требовательно.

Оставшись в одних атласных штанах, я поплелся к куче сброшенного в углу барахла, откуда и доносился шум. Ноги путались в разбросанном по полу серпантине. Если уж в костюмерной такой бедлам – трудно представить, что творится на съемочной площадке. Я чертыхнулся, стряхивая с ноги фольгу, да так и застыл в этой нелепой позе.

– У-у-у-у!

Не может быть. Просто не может такого быть... Откуда здесь взяться ребенку? Возможно, привиделось в темноте? Ведь помещение освещалось лишь парочкой новогодних гирлянд.

– У-у-у-у-у-у! – повторилось громче.

Я сглотнул. Растрепал волосы, с трудом разделяя залакированные намертво пряди. Осмотрелся, судорожно вспоминая, где же здесь выключатель.

– Постой-ка, приятель. Сейчас дядя Стас включит свет, и станет не так страшно. Ты же смелый парень, правда?!

Наверное, я нес какой-то бред. Не знаю... Просто в тот момент я был несколько не в себе. А еще мне ужасно хотелось курить, и плевать на то, что я давным-давно бросил,

сосредоточившись на своем здоровье и очищении кармы... Наверное, так ко мне подкрадывалась старость. Или в тридцать пять об этом рано было думать?

Злосчастный выключатель нашелся, когда плач ребенка уже перешел в ультразвук. Свет ударил по глазам, на секунду ослепив нас обоих. Я зажмурился. Парень, наконец, умолк. И лишь тихое икание нарушало абсолютную тишину, установившуюся в комнате. Не открывая глаз, я прислушался снова. И тут до меня дошло, что никакого другого шума и не было. Очевидно, я проспал дольше обычного, и съемки уже закончились. А это означало, что я увяз в дерьме просто по уши. Один... наедине с ребенком.

– Какого чер... – я не успел договорить, наткнувшись на влажный от слез взгляд. – Да ты еще и девчонка! – добавил возмущенно, разглядывая довольно симпатичный зефирно-розовый комбинезон.

– Дя-дя-дя-дя...

– Дя? Ты говоришь мне «да»? Думаешь, я сомневаюсь?

Девочка посмотрела на меня, покачала головой и улыбнулась беззубым ртом. А я еще больше взмок. Не потому, что не умел обращаться с детьми... Любой выросший в детдоме парень запросто справится с целым выводком, но... Черт! Мне не нужны были эти проблемы. Я вообще старался держаться от них подальше, став таким приторно-правильным, что меня иной раз самого от себя тошнило.

Не то, что раньше.

– А раз ты такая разговорчивая, признавайся, откуда ты здесь взялась?

Конечно, девчушка ничего не сказала.

– Ну-ка, иди ко мне...

Малышка вытянула ручки, но осталась сидеть на месте.

– Так ты еще даже не ходишь? Тогда ползи! Смотри, какие здесь яркие штуки...

Я поиграл серпантинном, судорожно обдумывая ситуацию. По идее, я вряд ли здесь остался один. По любому где-то бродят сторожа. Может быть, они что-то видели? Это же их работа!

– Давай-ка, пойдем, посмотрим, кто здесь есть... Поищем твою мамочку?

Девчушка вновь подняла руки и всхлипнула, но не сделала ни единой попытки ни подползти ко мне, ни подойти, хотя, судя по возрасту, уже могла сделать и то, и другое. Решив, что она просто не доверяет мне, я ободряюще улыбнулся. Осторожно, стараясь не напугать ее еще больше, подошел поближе, подхватил на руки и, удерживая под попку, понес к выходу. Моя забитая до кончиков пальцев рука странно смотрелась на этом розовом... Иностранно.

– Эй! Здесь есть кто-нибудь?

В отличие от костюмерной, где все еще царил хаос, в павильоне было прибрано. И ничто не напоминало о творящемся здесь еще каких-то пару часов назад хаосе. Тихо было так, что звук моих шагов отражался от стен и проносился эхом

под высокими сводчатыми потолками.

– Кто-нибудь? Ау!

Я прошел через зал к гримерной, толкнул дверь и чуть было не впечатался в...

– Господи! Как ты меня напугал! Я думала, здесь давно никого нет...

– Ника? Хм...

Если что-то и могло сделать эту ночь хуже, так это встреча с моей бывшей. Не потому, что она не давала мне прохода или как-то цепляла. Нет! Скорее... потому, что каждый раз, когда мы виделись на этих чертовых съемках, её взгляд скользил будто сквозь меня. А ведь я еще помню, как она на меня смотрела, когда любила... Совсем не так, как теперь. Да... И бог его знает, почему, спустя столько лет, это так сильно меня задевало.

– Гуляев? – взгляд голубых беспокойных глаз скользнул вниз от моего лица по груди, на которой с удобством устроилась девочка, и снова метнулся вверх. – А это кто?

– Понятия не имею. Я нашел ее.

– Как это – нашел? – нервно облизала губы Вероника, а я вдруг подумал о том, что, возможно, не только я один уснул, не справившись с напряженным графиком съемок. Ника тоже выглядела довольно помято. Против воли я залип на ее лице. – Гуляев! Ау! Что значит – нашел?

Она щелкнула пальцами у меня прямо перед носом и чуть сощурилась.

– То и значит! Я уснул на диванчике в костюмерной, а проснулся от её плача.

– Что ты делал в костюмерной?

– Переодевался! – рывкнул я, устав от допроса Ники. Мой сердитый голос испугал девочку. Её губки задрожали, и было похоже, что она вот-вот снова расплачется. – Ну-ну, красotka. Не вздумай реветь... – предостерег я малышку, осторожно прижимая к себе её головку и успокаивающе поглаживая по спине. Вероника отвернулась, нервничая все сильнее. И я не хотел бы знать, о чем она думала в этот момент, или что она представляла...

– Значит, ты уснул в процессе переодевания, а когда проснулся, обнаружил в костюмерной ребенка? – уточнила Ника спустя некоторое время, которое ей понадобилось, чтобы успокоиться.

– Так и есть. Сел на секундочку перевести дух и уснул. Вот, что бывает, когда работаешь по восемнадцать часов в сутки...

– Ну, и чего ты завелся? Я не из любопытства интересуюсь. Надо понимать, что теперь делать.

– Вызвать полицию – и дело с концом.

– А что, если ее мать где-то здесь?

– Уснула, как мы с тобой, забыв о собственной дочке?

Дурацкий вопрос. Со стороны могло показаться, будто мы спали вместе.

– Не знаю! Может быть, и уснула... Ты все здесь прове-

рил? Не хотелось бы мне звонить в полицию. Это может затянуться надолго, а я и так еле держусь на ногах.

Ника запрокинула руки за голову и потянулась ухом сначала к правому плечу, затем к левому, как и я совсем недавно, разминая затекшие мышцы. Она очень изменилась после нашего развода. Скинула добрых двадцать килограммов, отрастила волосы и каким-то непостижимым образом превратилась из толстого бегемота в знойную экзотическую красотку. Пока я пожирал свою бывшую взглядом, девчушка в моих руках вывернулась и ухватила её за нос. Ника отшатнулась в сторону. Провела по лицу руками, словно стирая это касание, и бросила:

– Я попрошу охрану все проверить, прежде чем куда-то звонить. Будь здесь. И... оденься, бога ради.

Я пересадил малышку на бедро. Скользнул взглядом вниз по своей груди. Хм... Может быть, не только я... хкм... отреагировал. Хотя как-то сложно было представить, чтобы Нику вновь могли заинтересовать моя смазливая морда и прокачанная на индивидуальных тренировках фигура. Слишком хорошо она знала мне цену. Потому что, говоря откровенно, в свое время я с ней поступил как мудака.

Не то что сейчас я поступил бы иначе. Я, наверное, и не на такое решился бы, чтобы пробиться в жизни. Смыть с себя позорное клеймо детдомовца, кажется, выжженное на лбу. Подняться с самого дна и выплыть на поверхность.

– Именно это я и планировал сделать, когда ее нашел. – Я

улыбнулся сидящей на моем бедре малышке и позволил ей сунуть в рот свой палец. – Вот... Подержи.

– Нет! Нет, я не буду... Просто посади ее куда-нибудь. – Ника отскочила от нас, как от огня. Пожалуй, впервые с тех пор, как нас с ней снова свела судьба, я видел ее истинные чувства. Она была в панике. Об этом буквально кричали ее бегающий взгляд и нервные движения рук, которыми она тербила юбку.

– Ты все еще переживаешь из-за того, что случилось? – тихо спросил я. Спросил, пожалуй, впервые... Наверняка слишком поздно и не к месту... Вероника отрицательно дернула головой и, развернувшись на сто восемьдесят градусов, зашагала из павильона.

– Пойду, все же позову охрану, – донеслось до меня уже от двери. Я кивнул, понимая, что она не увидит, и перевел взгляд на девочку. А ведь я тоже уже мог быть отцом. Сколько бы ему сейчас было? Пять? Шесть? Глядя на детей, я все чаще об этом думал. Гадал, на кого он мог бы быть похож. И вообще... каким бы он был? Ника... мечтала, чтобы наш малыш стал моей точной копией. Потому что себя она никогда не считала красивой. Да и я... говоря откровенно, не считал. В то время я был тем еще мудаком. Но что-то я повторяюсь...

Воспоминания о прошлом засасывали меня воронкой. И неизвестно, чем бы это закончилось, если бы не жадный ротик, зашаривший по моей груди в поисках пропитания. Это

было щекотно, и я хохотнул.

– Кто-то, кажется, проголодался, – пробормотал я. – Ну-ка, пойдем, милая. Я оденусь, а после мы поищем что-нибудь на перекус.

Малышка не протестовала. Лишь когда я вновь посадил ее на пол, недовольно пискнула. Пришлось заговаривать ей зубы. Что-что, а в этом мне не было равных. Язык у меня был подвешен как надо. Не зря за пять лет я поднялся от рядового стендапера до самого высокооплачиваемого шоумена в стране.

– Стас! Вы здесь?

– Угу...

– Охрана не видела ничего подозрительного. Сейчас они осматривают территорию, но вряд ли мы найдем мать ребенка. Я кое-кому позвонила, так что... скоро приедет наряд. Боюсь, тебе придется остаться здесь, чтобы ответить на вопросы следователя.

Выматерившись под нос так, чтобы девочка не услышала, я натянул через голову футболку, стащил штаны Деда Мороза и втиснулся в собственные потертые джинсы. Малышка в углу снова заплакала.

– Не знаешь, что её может беспокоить? – занервничала Ника. Она могла сколько угодно притворяться, что эта история оставила ее равнодушной, но меня ей было не провести.

– Девчонка голодна. Кем бы ни была ее мать, она кормила ее грудью.

Глаза Ники широко распахнулись:

– Как ты это определил?

– Она пыталась раздобыть еду на моей...

Вероника закашлялась.

– Думаешь... Полагаешь, мать девочки... её действительно бросила? Вот так?

– А на что это, по-твоему, похоже?

– Не знаю, – Ника растерла руками плечи. – Просто никогда не могла понять таких горе-мамаш.

Что ж... А я мог написать по этому поводу диссертацию. Меня ведь тоже бросили, так что... Я равнодушно повел плечами и склонился над девочкой.

– Здесь осталось что-нибудь съедобное, после съемок?

– Откуда? Все уже давно убрали. А впрочем, подожди... Ей можно банан? Как думаешь? Ой, смотри – здесь какой-то конверт, – резко сменила тему Ника.

– Не трогай! Это улика! – запротестовал я, не давая ей дотянуться до конверта. Её кожа была прохладной и очень чувствительной. От моего легкого касания на ней выступили мурашки. Но я бы не стал утверждать, что это от удовольствия. Вполне возможно, виной всему была брезгливость.

Ника отвела взгляд и опустила голову.

– Вероника Васильевна, мы осмотрели всю территорию, но везде тихо.

– Спасибо. Я уже вызвала полицию. Будьте готовы предоставить в их распоряжение записи камер и... что там еще

может понадобится.

Два пожилых охранника поохали, покачали головами и ушли. А мы вновь остались вдвоем. Я... Моя бывшая жена. И чужой ребенок, сумевший разбудить слишком много воспоминаний, которые мы оба хотели забыть.

– Как думаешь, что в том конверте?

– Не знаю. И вообще... это нас не касается. Мы – люди случайные.

– Я все же посмотрю. Может быть, там телефон или...

– Ага... Как же? Ее мать, что, совсем дура, по-твоему?

– А если она вообще ни при чем, а? Если девочку украли? Ты об этом подумал? Вдруг это и не мать вовсе её оставила! Что ты на это скажешь? – Ника осторожно раскрыла конверт.

– Скажу, ты слишком долго продюсировала мыльные оперы.

Вероника фыркнула, извлекая на свет божий карточку, на которой от руки было написано всего два слова и дата. Точнее... Имя, дата и непонятная аббревиатура.

– Ну, здравствуй, Дарья СМА... ноль один ноль шесть девятнадцать.

Глава 2

Город не спал, несмотря на позднее время. Вслушиваясь в его ритм, я с силой затянулась и заворуженно уставилась на огонек сигареты. Нет, мне больше не было больно. Все осталось в прошлом. Я даже не знаю, почему вновь закурила, хотя давно уже бросила, потому что вредно и не модно, и цвет лица портится... А я уже в том возрасте, когда на это приходится обращать внимание. Так почему же я здесь расселась? Побыстрее бы разобраться с полицией, и домой... домой. Отсыпаться. А не сидеть вот так, думая непонятно о чем.

– Вера... Привет. Не знал, что ты куришь.

– Господи! Ты меня напугал.

Я отбросила сигарету и яростно втоптала ее задником в асфальт. Свинство. И надо было воспользоваться урной. Но когда я увидела Олега, сработал рефлекс. Будто мне снова пятнадцать, и вот-вот влетит от мамки за то, что от меня несет куревом.

Не то чтобы я была такой уж бедовой.

Я отвлеклась от разглядывания полицейских, которые, сидя за заваленным реквизитом столом, записывали показания Гуляева, и обернулась на голос мужчины, с которым сейчас встречалась.

– Извини. Я не хотел.

Он был старше меня на пять лет. Тоже разведен... Раньше я считала, что развод – это всегда грязь, боль и слезы. Может, потому, что в свое время пережила их аж целых два и столкнулась именно с этим. Но... У Олега все обстояло иначе. Они расстались с женой вполне цивилизованно и остались с ней в хороших отношениях, вместе воспитывая дочь. Для меня это был очень показательный момент. Он рассказал мне о Вавилове гораздо больше, чем все остальное. Дал понять, что у нас с ним получится нечто действительно стоящее.

Олег был первым в моей жизни мужчиной, которому от меня ничего не было нужно. Кроме меня самой. В те редкие дни, когда его и моя работа позволяли нам встретиться.

– Ничего страшного. Это у меня нервы расшалились.

Я встала со скамьи и шагнула в его объятия.

– И сигареты по этому случаю?

– Ага...

Мягко улыбнувшись, я уткнулась лицом в его грудь, глубоко вздохнула, и как-то сразу стало спокойнее.

– А этот... Он тут что забыл?

– Кто?

– Твой бывший.

Никогда не замечала, что Олег ревнив, но какие-то новые интонации в его голосе заставили меня присмотреться к нему повнимательнее. Впрочем, даже если так, напрасно

он волновался... Я уже не была такой глупой, непроходимой душой, как еще шесть-семь лет назад. Теперь меня было не сбить с толку. Да, я по наивности не сделала выводов из своего первого развода, но второй... второй урок запомнила навсегда. Я окончательно уяснила, что внешняя красота ничего не значит. Как и слова... Теперь я верила только поступкам. И старалась держаться подальше от звезд шоу-бизнеса, притяжение которых для меня оказалось слишком губительным и опасным. На пути к славе эти чертовы звезды были способны абсолютно на все. Они играли чужими судьбами, чувствами... И мной тоже, как оказалось, играли. Никто из моих мужей не любил меня по-настоящему. А вот я к тридцати четырем годам полюбила себя достаточно. Полюбила настолько, что таких, как они, теперь и близко к себе не подпускала. Чужая фальшь за версту. Как если бы два развода кряду наделили меня какой-то суперспособностью.

Олег в этом плане мне подходил лучше других. Совершенно далекий от мира шоу-бизнеса. Обычный полицейский... Хотя нет, скромничаю. Он был начальником аж целого отделения.

– Ну, привет. Гуляев – основная звезда всей программы. Кстати, это он нашел нашего подкидыша.

– Ты в это веришь?

– В то, что он нашел? – удивленно вскинула я брови.

– Угу. Ну, мало ли... обдолбался и спер у кого-то.

Это предположение Вавилова было таким нелепым, что

я громко рассмеялась, откинувшись в его руках. На глазах выступили слезы.

– Как те парни из «Мальчишника в Вегасе»? – поддразнила я его, вспомнив о фильме, который мы пересматривали в нашу последнюю встречу.

– Почему бы и нет? – усмехнулся Олег.

– Ну, не знаю... А полицейские машины у вас все целы? – продолжала веселиться я. – Ты проверь. А то мало ли.

Вавилов улыбнулся шире. Дернул меня за ухо, а я сморщила нос и потерлась щекой о его нежные пальцы.

– А тебе лишь бы поржать...

– Поклеп! Твое предположение, конечно, интересное. Но вряд ли верное. Он не сидит на наркоте.

Об этом я могла судить с уверенностью. Когда все твоё детство проходит в богемной среде, как-то сразу учишься определять, кто вмазан. Выдают суета в движениях, бьющая фонтаном энергия или, наоборот, полнейшая апатия. А ещё это мерзкое кокаиновое хлюпанье носом... Но за две недели, что Гуляев был у меня на глазах, я не заметила ничего подобного. Да и слишком умным тот был, чтобы вляпаться в такое дерьмо. Расчетливым. У него был план на все. Наркотики же вели к утрате контроля. А для Стаса не было ничего хуже. Поэтому он и держался от этих бэд трипов¹ подальше.

¹ Бэд трип (англ. bad trip) – «скверное путешествие» – сленговое выражение, описывающее негативные, потенциально опасные для психики переживания, которые могут возникнуть во время психоделического опыта, обычно вызванного приемом наркотиков.

А вовсе не потому, что был правильным.

Такую скотину еще попробуй найди.

Ну, вот какого черта это все случилось? Я так надеялась, что сегодня мы распрощаемся! Буквально минуты считала... И вот тебе на! Как насмешка судьбы какая-то.

Олег испытывающее заглянул мне в глаза и неожиданно жадно поцеловал. Я удивилась, но отстраняться не стала. Обычно он не позволял себе таких проявлений чувств на людях, а мы все же были на виду, хоть и чуть в стороне ото всех... Я машинально прошлась языком по губам, слизывая мятный вкус его поцелуя. Вавилов явно только-только почистил зубы, потому что мой звонок выдернул его посреди сна. Мысль о том, что он, не раздумывая, примчался мне на выручку, согрела душу. Я улыбнулась, чуть откинулась в его руках и натолкнулась на пристальный наглый взгляд Гуляева. Даже с ребенком на руках он умудрялся выглядеть как секс в чистом виде... И картину ничуть не портили Дашкины слюни на его футболке.

Именно таким я его и представляла когда-то... С той лишь разницей, что в моих мечтах на руках у Стаса был наш ребенок.

Кажется, я говорила, что это больше не причиняет мне боли? Может быть, так и будет. Когда-нибудь... Если напоминать себе об этом почаще.

– Пойдем, я попрошу парней опросить тебя побыстрее и отвезу домой. Ты выглядишь измученной...

Я машинально кивнула. Шагнула за Олегом следом, но этот шаг почему-то стал шагом в прошлое. Будто его слова включили некий тумблер в моей памяти.

– Ты выглядишь измученной, доченька. Мы с отцом считаем, что тебе нужно отдохнуть.

На самом деле в тот момент я выглядела не измученной, а жалкой. За плечами у меня остался мучительный развод с первым мужем, а внутри – опустошающая депрессия. Он столько гадостей мне наговорил, когда мы расставались, столько ран нанес... А я никак не могла понять, в чем же так перед ним провинилась.

Дима много чего мне тогда наговорил... Пьяный. И то, что его тошнит ложиться со мной в постель, и то, что только такая тупая корова, как я, могла поверить, будто он меня любит. А я ведь действительно одиннадцать лет была уверена в том, что мы с ним идеальная пара. Я одиннадцать лет только им и жила. Им и нашей дочкой Настькой. А Дима жил своим творчеством, гастролями и изменами. У певца, треки которого день и ночь крутили по радио, как оказалось, было столько поводов... для измен. А жена – дочь крупнейшего в стране продюсера, благодаря которому он и стал звездой – это так... Джаст э бизнес.

И знаете, что было самым большим ударом? То, что все вокруг это знали... И никто... ни одна сволочь не потрудилась рассказать о происходящем и мне.

– Я не знаю, мам...

– Выбирай, Ника. Либо курорт, либо реабилитационная клиника. Я уже не могу смотреть на то, как ты себя разрушаешь.

Как раз в этот момент я поймала свой взгляд в отражении зеркала. Мне было двадцать восемь, но выглядела я гораздо старше. Сказывались бессонные ночи и попытки залить горем алкоголем. К тому же я начала активно заедать стресс и за очень короткое время поправилась на целых пятнадцать килограммов. А потом, с какого-то перепугу, еще и подстриглась. Женщины склонны к экспериментам с внешностью, особенно в переломные моменты жизни. Но та попытка явно не удалась. Бунтарский короткий ёжик окончательно меня изуродовал. Словом, когда мы познакомились с Гуляевым на том турецком курорте, куда меня сослали родители, выглядела я просто ужасно.

И да, я, наверное, все же была тупой коровой, раз поверила, что такой, как Стас, мог позариться на меня ту... отчаявшуюся.

Дело было в лобби отеля. Куда я спустилась выпить коктейль, а может, чего и покрепче, во время ежедневного вечернего представления. В Турции мало кто заморачивается по поводу внешнего вида, даже на вот такие шоу приходя в пляжных шортах и майках. И я тоже не потрудилась принарядиться. Шорты-парашюты, майка – новая, но не глаженная, и спекшееся на солнце лицо.

Теперь мне ужасно стыдно за ту женщину, в которую я

превратилась... Стыдно за то, что позволила проблемам так сильно меня сломить, за то, что так распустилась. А тогда мне на все плевать было. Я сидела с очередным коктейлем, а он, среди прочих приглашенных нас развлекать звезд, выступал на разогреве. Уже тогда я понимала, что Стас далеко пойдет, так сильно он выделялся на фоне других выступающих. Гуляев был таким жадным до внимания и по-хорошему злым, что это не могло не дать своего результата.

Тогда я думала, что по-хорошему злым. Да... Я ошибалась.

Он привлек мое внимание именно своим талантом. А потом... что скрывать? Наглым взглядом настоящего плохиша. Мне ужасно льстило, что среди десятков других женщин он обратил внимание именно на меня. Я тогда не задумывалась о том, как это было странно...

– Понравился? – вот что спросил этот наглец, когда подошел к моему столику. Ни «здравствуйте». Ни «какой приятный вечер». В этом был весь Гуляев. Он знал себе цену. И знал, как действует на женщин.

– Н-ничего.

Да. Я запнулась. Взрослая и битая жизнью, я запнулась, глядя в глаза этого самовлюбленного придурка. Я, кстати, думала, что он младше. Но потом выяснилось, что мы одногодки.

– Пойдем, пройдемся – расскажешь мне, какие шутки тебе показались особенно удачными.

И я зачем-то пошла. Как бычок на заклание. Или тупая корова... Да. И ни одной шутки потом не вспомнила. Сколько ни пыталась – так на меня подействовало то, что он взял меня за руку. Уже тогда его пальцы были забиты, и мне до дрожи хотелось ощутить, как это, когда они коснутся меня иначе... Более интимно. Мне было плевать, как я выгляжу – он смотрел на меня так, что это вообще не парило. Голодно смотрел.

Может, в тот момент Стас думал о том, какие перспективы для него откроет знакомство со мной. Но тогда я этого не знала. Так наивно и так по-женски реагируя на его внимание...

Глупая! Второй раз на одни и те же... Да-да, я могла продюсировать «Танцы с граблями». В этом мне бы не было равных.

– Вер... Ты меня слышишь?

Вот уже пять лет я просила называть себя Верой. Я была Вероникой, но привычное раньше «Ника» теперь казалось мне легкомысленным и несерьезным.

– Говорю, девочка выглядит нездоровой. Сначала мы отвезем ее в больницу. А дальше, если мать не найдется, отправим в приют.

– Почему вы решили, что она нездорова?

– Ну, она не ходит. Не ползает даже... Не бери в голову, это просто формальности.

Я машинально кивнула.

– Тогда мы свободны?

– Угу. Собирай вещи. Я тебя отвезу. Настька дома сама осталась?

Олег переплел наши пальцы. Сидящий рядом на стуле Гуляев хмыкнул. Я не стала оборачиваться, чтобы узнать, чем вызван этот звук. Плевать мне на него было... А то, что Стас в это время качал в своих забитых подчистую руках чужого ребенка, вообще было ни при чем. С виду могло показаться, что он настоящий душка, но я-то знала его настоящего. Так что... алаверды. Слава богу, съемки остались позади, и мы больше с ним не увидимся. Нет, его выступления все еще будут литься из каждого утюга, а красивая наглая морда мелькать в телевизоре, но это – совсем другое. Не то, что когда на двоих один кислород.

– Ага. Сама...

– Как она, кстати? Наверное, уже тебя обогнала? – бросил Гуляев мне в спину.

«Одно время очень скучала по тебе, придурок», – хотелось крикнуть мне, но я лишь ответила напоследок:

– Угу. Выросла детка... Время очень быстро летит.

Глава 3

– Подпишите здесь, здесь и... вот здесь...

Я тряхнул головой, отвлекаясь от созерцания удаляющейся парочки, и перевел взгляд на сидящего напротив меня полицейского. Наверное, в этот момент я выглядел полнейшим придурком. Потому что тот, все сильнее нервничая, переспросил:

– Все нормально?

Я кивнул, с опозданием вспомнив о том, зачем я здесь и чего от меня хотят. Пододвинул к себе листы с записанными от руки показаниями, взял протянутую мне ручку и поставил, где нужно, подписи.

– Это все? Я могу быть свободен? – уточнил, глядя на измученную малышку, уснувшую на моей груди.

– Да-да, конечно... Но прежде, если вас не затруднит, я хотел попросить... вот... – на стол лег еще один лист, – если можно, автограф.

Ну, конечно... Автограф. К этому я уже привык. В отличие от других звезд, меня ничуть не раздражало такое повышенное внимание. Я хотел популярности. Я столько пахал, чтобы стать тем, кто я есть, что теперь было бы глупо делать вид, будто меня тяготит слава.

– Конечно.

– Для дочки. Она вас обожает. И смотрит все передачи с вами. И все фильмы.

– Как зовут?

– Что? – окончательно растерялся мужик.

– Как дочку зовут?

– Маша...

Я нацарапал автограф для Маши. Отложил ручку, встал и решительно протянул девочку топчущейся в стороне женщине неопределенного возраста. На душе было гадко. Будто это я был непутевым родителем, который бросил своего ребенка на куче барахла в костюмерной.

– Куда ее теперь?

– Сначала в больницу. А потом, если мать не объявится, в приемник.

Малышка подняла ресницы и уставилась на меня голубыми, как небо, глазами. Я до того себя накрутил, что мне в них почудилась укоризна. И ведь понимал, что эта история взволновала меня так сильно исключительно потому, что я сам был детдомовцем, но легче от этого не было. Уходя, я то и дело оглядывался. А потом вернулся. Зачем – и сам не знал. Осмотрелся, схватил листок, все ту же ручку и под полными недоумения взглядами полицейских быстро нацарапал свой номер телефона, как будто мне мало было того, что он остался в материалах дела.

– Если ей вдруг что-то понадобится... Лекарства, там, или, я не знаю, что, дайте знать.

Женщина растерянно кивнула. Я развернулся на пятках и, уже не оглядываясь, быстро зашагал прочь. Жара душила. Я замотался и забыл включить в тачке кондер. Забрался в душный салон. Опустил голову на руль и несколько раз глубоко вдохнул, убеждая себя забыть обо всем, что случилось. Просто вычеркнуть из памяти, будто ничего и не было. Обычно у меня с этим не возникало проблем. Я запросто переступал через все плохое и двигался дальше. Но только не в этот раз. Какая же дурацкая ночь!

Я тронулся с места, прибавил газа. В этот предрассветный час дороги были почти свободны, и я мог дать волю своей девочке. Выжимая из неё, конечно, не максимум, но достаточно скорости, чтобы ей насладиться. Вот только от себя не убежишь. И не уедешь. Воспоминания настигали меня, сколько бы я не вдавливал педаль в пол... И в какой-то момент я просто сдался, возвращаясь на годы назад.

– Ну, что? Что они сказали, Кир?!

– Что ты хорош, но твой материал слабо вяжется с политикой канала.

– Да чтоб тебя!

– Слушай, я знаю, что ты рассчитывал на эту работу, но...

Но... но... но! В этом чертовом бизнесе всегда находилось какое-то «но». Каждый раз побеждал тот, чья рука волосатее. Здесь связи решали все. Иногда мне начинало казаться, что я не прошибу эту стену.

– Ты меня слышишь, Стас? Хрен с ним, с этим шоу. Зато

у тебя куча корпоративов. Десятка зелени – как с куста. И проезд, конечно, оплачивают. Ну, что скажешь?

Скажу, что меня достали эти корпоративы, сколько бы денег они мне ни приносили. Слишком мелким мне это все виделось. Я же хотел заниматься чем-то действительно стоящим. У меня был проект классного вечернего шоу, и я бы душу продал, чтобы получить возможность сосредоточиться исключительно на этом. Я обивал пороги всех более-менее стоящих каналов, но результата не было. И мне чем дальше, тем сложнее было поддерживать в себе веру в то, что меня, наконец, заметят.

Я плеснул себе немного виски в стакан и залпом выпил.

– Ты коней-то попридержи. На сцену через пять минут, – одернул меня Кир. – Кстати, мне тут шепнули, что среди гостей дочка Пестова. Говорят, у нее после развода с мужем кукуха того... вот родители и отправили ее сюда развлечься.

– Серьезно? – я даже шею вытянул, чтобы разглядеть в толпе дочь одного из самых влиятельных в шоу-бизнесе персонажей.

– Угу... Вон, если мне не изменяет память, видишь ту, с ежиком на голове?

– Ты уверен, что это она? – недоверчиво протянул я.

– Она-она. Не хочешь подкатить? – заржал Стас.

– К ней? Разве похоже, что я так сильно изголодался по женскому обществу?

– Да шучу я, шучу... Даже связи Пестова не стоят того,

чтобы мутить с его дочкой. Хотя, конечно, с таким тестем, как он... Эх! Ты только прикинь, какие бы перед нами открылись возможности... – Кир пошевелил бровями и снова заржал, а потом отвлекся на кого-то из артистов. Он отвлекаясь, да. И думать забыл о том, что ляпнул. Я же вцепился в его слова, как шакал в украденную исподтишка кость. Выступил с трудом. А когда мой номер закончился, не давая себе передумать, спустился в импровизированный зал, хотя это было запрещено правилами, и без всяких усилий склеил Нику. В тот момент я совершенно не задумывался о моральном аспекте того, что делаю... Я думал лишь о себе. Мне даже как-то льстило, что такая правильная девочка, как она, повелась на меня. Делало ли это меня подонком? Теперь я понимаю, что да. А тогда... Тогда меня это не волновало.

Я трахнул Нику в тот же вечер. Совершенно неромантично, у стенки, едва мы вошли в ее номер. Воспользовавшись её душевным состоянием, да... Я даже свет ей не дал включить. Опасаясь, что вообще ни черта не выйдет, ведь она мне даже не нравилась. Но потом оказалось, что волновался я зря. В этом плане у мужиков довольно просто все устроено. Стоило мне ощутить ее тесноту и жар – все случилось само собой. Я вбивался в нее снова и снова, с какой-то отчаянной злостью. Уже тогда ненавидя себя за то, что фактически продавался, как самый последний жиголо, но еще не осознавая природу этого чувства. А она так нежно вздыхала, всхлипывала... и принимала в себя эту злость. Незаслуженную. И

неправильную... Мягко сжимая меня внутри, отчего у меня перед глазами разве что только искры не сыпались. И низко, с придыханием повторяя это бесконечное «Ста-а-ас»...

Где-то за спиной просигналили. Я очнулся, приходя в себя. Нажал на газ, проезжая на зеленый на последнем перед поворотом к дому перекрестке. Еще каких-то пару часов назад казалось, что я усну, едва только переступлю порог спальни. Но это было до того, как я нашел девчонку... и Нику... И до того, как эта встреча подняла осевшую на дне души муть.

Я поплелся в душ. Долго стоял, хватая губами льющуюся сверху воду. Впрочем, нисколько не сомневаясь, что не отмоюсь от того, что сделал, сколько бы себя ни тер. И как бы теперь ни старался стать лучше.

А перед глазами на репите картинка – Ника уходит прочь в обнимку с другим... Похер... казалось бы. Но почему-то как раз и не было. Я не знал, чего хочу больше – понять, почему так, или и дальше оставаться в неведении. Ведь вряд ли бы мне понравилась правда.

В конце концов, мне удалось убедить себя оставить все как есть. Пять лет прошло с тех пор, как мы расстались с Никой. Самое умное, что я мог сейчас сделать – не ворошить...

Я выбрался из душа, закинулся таблеткой снотворного и лег в кровать. А утром проснулся от того, что оглушительно громко орал телефон. Дерьмо! Кому я мог понадобиться? Все мои были в курсе, что у меня выходной. Так какого хре-

на? Еще и незнакомый номер... На такие звонки я обычно не отвечал, но в то утро, дернул черт – и я принял вызов.

– Алло!

– Станислав?

– Да. Это я. Чем обязан?

– Это Иванова Лидия Михайловна. Заведующая педиатрическим отделением второй окружной. Вы вчера оставили свой номер нашему специ...

– Да-да. Я помню... Что-то случилось?

– Как сказать. Если ваше желание помочь найденной девочке все еще в силе...

– Конечно, – перебил я смущенный лепет женщины.

– Отлично. Тогда, думаю, вам будет лучше подъехать.

– Это еще зачем? Разве я не могу перевести деньги на счет больницы или, я не знаю, куда там обычно переводят?

– Понимаете, ситуация очень сложная. И, боюсь, речь пойдет об очень значительной сумме, поэтому нам бы не мешало все обсудить при личной встрече. Поверьте, я бы не отвлекала вас, если бы ситуация не была критичной.

– Девочка больна серьезней, чем показалось?

– Боюсь, что так.

Да чтоб его! Я перевернулся на живот. Дотянулся до лежащих на тумбочке часов, прикидывая, сколько времени мне понадобится на то, чтобы добраться.

– Буду через полтора часа. Устроит?

– Конечно. Скажете, что вы ко мне. Вас проводят.

– Напомните еще раз, как вас зовут, – вздохнул я, а после отбросил трубку и пошел в ванную, ругая себя за то, что связался в какую-то непонятную мне авантюру, вместо того чтобы выспаться, как планировал.

– Думаешь, сделаешь что-то хорошее, и все тут же наладится? – спросил у собственного отражения. Хмыкнул, покачал головой и открыл кран.

Я не знаю, когда понял, насколько пуста моя жизнь. Возможно, это случилось года через два-три после того, как я получил все то, к чему так долго и упорно стремился. Когда, забравшись на самую высокую гору, осмотрелся и понял, что все... Я здесь. В полном одиночестве. Растеряв по дороге всех, кто мне был дорог и близок. Неуверенный даже в том, что такие люди в принципе были в моей жизни. Что я хоть кому-то позволил стать мне дорогим... в этой бешеной грязной гонке без правил.

Нет, все же об этом лучше не думать – иначе дерьмовое настроение обеспечено на весь день... Изгоняя из головы ненужные мысли, я быстро оделся и поехал в больницу.

Лидия Михайловна – достаточно молодая приятная женщина, ожидала меня в приемной. Как и любой человек, вынужденный общаться с кумиром миллионов, она несколько нервничала, и я поспешил ее успокоить, бросив на ходу пару дежурных шуток. Иногда мой комедийный талант здорово выручал.

– Так что там с нашим найденышем? – вернул я заведу-

ющую в действительность, когда мы, отсмеявшись, устроились за столом.

– Видите ли... Диагноз все еще под вопросом – он требует дополнительных тестов. Но то, что мы видим, наблюдая клиническую картину, вместе с запиской, найденной в вещах девочки, позволяет нам говорить о том, что у девочки, скорее всего, спинально-мышечная атрофия. СМА...

Да... Что-то такое было в записке... Впрочем, мне этот диагноз ни о чем не говорил.

– Окей. И что это означает?

– На самом деле ничего хорошего. Это наследственное заболевание, при котором происходит нарушение функции нервных клеток спинного мозга, приводящее к прогрессивному развитию слабости мышц, их атрофии и, в итоге, обездвиживанию пациента.

– Это поэтому Даша не ходит?

– И даже не ползает.

Я растер ладонью лицо. Вот мало мне было проблем... Теперь еще и это. Мелькнула трусливая мысль – уйти. Это не мой ребенок и не моя ответственность. И знаете, я бы, может, свалил, если бы так сильно не разозлился на собственное малодушие. Остаться меня заставила именно злость! И отвращение... к себе самому... настолько поверхностному и очерствевшему.

– И? Это как-то лечится? Кажется, речь шла о какой-то крупной сумме.

– Долгое время СМА считалась неизлечимой, но в две тысячи шестнадцатом году на фармацевтический рынок вышел препарат «Спинраза»...

– Отлично. Нам подходит.

– Все-таки дослушайте. Данная терапия очень дорогостоящая. В первый год необходимо сделать шесть инъекций. Одна из них стоит порядка ста тысяч евро.

– Ни хрена себе...

Если заведующую и смутила моя грубость, то виду она не подала. И продолжила:

– Затем препарат колется пожизненно. По три инъекции в год.

Не то чтобы я был великом математиком, но даже мне было нетрудно посчитать, что такое лечение просто неподъемно. Даже для меня...

– И все? А дешевле нет никаких вариантов?

Лидия Михайловна покачала головой:

– Нет. Но есть вариант получше. Совсем недавно выпустили еще один препарат. Золгенсма. Это настоящий прорыв в генной терапии. Лекарство не только останавливает течение болезни, но и улучшает общее состояние пациента. Нужна всего одна инъекция...

– Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой. А в чем подвох?

– Ну, во-первых, препарат не сертифицирован в нашей стране. Во-вторых, его стоимость превышает два миллиона

долларов...

Собственно, этого уже было достаточно, чтобы мои руки опустились окончательно, но, будто этого было мало, Лидия Михайловна продолжала:

– А еще у нас очень мало времени на сбор денег. Чтобы препарат подействовал, его нужно ввести ребенку до того, как ему исполнится два года.

Глава 4

– Мама! Ма-а-а-ам! Вставай, тут тебе с работы звонят.

– Уйди, девочка. Я тебя не знаю, – просипела я, пряча голову под подушкой. Настька захохотала. Вырубила пылесос – слава те, господи! – и почесала мне пятку.

– Я серьезно, ма. От самого главного главнюка звонят. У тебя ж так номер его приемной записан?

Я тяжело вздохнула. Перевернулась на бок и, вытянув руку из-под одеяла, пошевелила пальцами, безмолвно требуя подать телефон.

– Как думаешь, мне уже можно брать деньги за услуги секретаря? – задумчиво поинтересовалась Настька, протягивая мне смарт. Я пробормотала что-то невнятное. Дочка закатила глаза и демонстративно вдела в ухо беспроводной наушник, чтобы после снова запустить Кёрхер. Мне бы порадоваться такому трудовому энтузиазму Настьки, но, во-первых, потом эта мартышка непременно выставит мне счет за уборку, а во-вторых, ни хрена ведь не слышно! А значит, нужно выбираться из-под укрытия одеялка и отправляться в холодный жестокий мир... Я зевнула. Спустила ноги на пол и пошлепала в кухню. К счастью, там было относительно тихо. Запустив кофемашину, я подождала, пока зерна смелются, и только потом приняла вызов.

– Да, Катя... Что там у вас за срочность с утра?

– У нас завал, Вер... Тебя шеф к себе вызывает. Срочно!

– Вы издеваетесь? У меня первый законный выходной за... Господи, я даже не знаю, за сколько времени! Мы вчера снимали до трех! А потом еще этот случай с подкидышем...

– Какой еще случай?! Впрочем, нет... При встрече расскажешь, если я до этого не помру...

В трубке то и дело звучали телефонные трели параллельных вызовов, Катя отвлекалась то на один звонок, то на другой... Я терпеливо ждала, когда хоть что-нибудь станет ясно.

Чашка наполнилась. Воздух пропитался бодрящим ароматом кофе и вонью выхлопных газов – зря я открыла окно.

– Извини. Здесь из правительства звонили... Что им не сидится спокойно... Так вот, о чем это я? Главный ждет. Тебе часа хватит, чтобы собраться?

– Да чтоб его! Кать, выходной...

– Это я уже слышала. Ответ, как ты и сама понимаешь, неверный.

Дерганым движением я закрыла окно и прислонилась лбом к раскаленному стеклу. Видит бог, я обожала свою работу, но иногда даже мне хотелось от нее отдохнуть! Сходить куда-нибудь с дочкой или любимым мужчиной... Банально провести вечер перед телевизором. Впрочем, кого это волновало? Да никого. И не то чтобы у меня был хоть какой-нибудь выбор.

– Буду через два часа! – буркнула в трубку.

– Ты – чудо! Как там твой красивый здоровенный, кстати? – параллельный телефон опять зазвонил, Катя чертыхнулась и, перед тем как оборвать связь, повторила: – А впрочем, расскажешь при встрече. Здесь и впрямь какой-то дурдом.

Дурдом у них, понимаешь ли! А мне что до этого? Я опустилась на стул, закинула босые ноги на соседний и, притворившись, будто мне все нипочем, неторопливо отпила кофе.

– Мне вчера папа звонил, – донесся из коридора голос Настьки.

– Ну, надо же...

– Звал к себе на пару дней.

– И как? Ты хочешь поехать?

– Еще не решила. – Голос приблизился.

– У тебя есть время подумать.

– А ты не будешь против?

– Даже не знаю. Он тебя когда в последний раз забирал? – я, наконец, открыла глаза и опустила ноги на прохладный покрытый мраморной плиткой пол.

– Давно. – Настька нахмурилась, а я в который раз подивилась тому, как быстро она у меня выросла. Совсем ведь большая. Пятнадцать лет... Я рано родила. Родители были в ужасе. В один голос твердили, что я не готова, и что ребенок непременно испортит мне жизнь. И как же хорошо, что я их не послушала! Я много о чем жалела, но только не о том, что тогда, в восемнадцать, нашла в себе силы выстоять одна против, кажется, целого мира.

– Вот именно... С другой стороны, ты всегда можешь вызвать такси, если тебе что-то не понравится. Или позвонить мне – я приеду.

– Что-то ты подозрительно быстро согласилась, – недобро сощурилась дочка. – Я чего-то не знаю?

Угу... Вот же мартышка! Такую бы проницательность, да в нужное дело... И вот как ей прикажете объяснить, что Олег пригласил меня к себе? Она ж не маленькая. Сразу поймет, что это приглашение подразумевает определённого рода продолжение вечера. Ужасно неловко... Ужасно! Особенно и потому, что это будет наш первый раз. Кому расскажи – не поверят. С Вавиловым мы встречались не один месяц, а до секса дело так и не дошло. А ведь хотелось, и очень... У меня тысячу лет не было мужчины. Тысячу долгих, наполненных одиночеством и неудовлетворенностью лет...

– Ой, мам, ты покраснела!

– Да ну тебя... – пока Настька сушила зубы, я забрала из ее рук наушник и сунула в ухо. Потому как лучшая защита – это нападение. А Скриптонит в ушах дочери – повод более чем достойный. Не то чтобы мне самой не нравилась его музыка...

– Насть, я же просила тебя не слушать этот кошмар...

– Скрип – крутой, – с непрошибаемой подростковой уверенностью заявила моя великовозрастная дочурка. И по совести, я должна была с ней согласиться, но по сути...

– Слишком много мата на квадратный сантиметр текста.

– Ну, вот и не слушай, если тебе не нравится, – отрезала Настя, ловким движением выуживая из моего уха капельку и тут же от меня отскакивая. Признаться, в такие моменты я совершенно терялась. Она была еще такой маленькой, но уже такой большой... Что правильно для неё, что нет? Кто скажет? Мне не хотелось ограничивать ее свободу. Но в то же время я задавалась вопросом, где заканчивается свобода и начинается вседозволенность?

– Ты же знаешь, что наркотики – это плохо? А мальчик, который вдруг, наслушавшись Скриптонита, назовет тебя сучкой – сам козел, которого надо слать подальше?

– Ма-а-ам! – взвыла Настька. – Ну, я что, по-твоему, на дуру похожа? Конечно, я все понимаю... И вообще, разве тебе не надо собираться на работу?!

– Черт! – опомнилась я. Помчалась к выходу, по пути бросив чашку в раковину. И случайно пребольно ударилась мизинцем о ножку стула. Пока я одевалась и приводила себя в порядок, нога распухла. Понятным стало, что ни в одни туфли я не влезу. Настька порылась в гардеробе и нашла мои поношенные кроссы.

– Вот...

Я сунула ногу в ботинок. Было довольно комфортно. Но с деловым костюмом мои выдавшие виды Адики не смотрелись от слова совсем.

– Ну, как? – беспокоилась дочка. – Удобно?

– Угу. Неудобно будет разве что перед людьми.

Настька прыснула со смеху. Повернула меня к зеркалу и задумчиво почесала в белобрысой макушке:

– Может, тебе джинсы надеть?

– А, черт... Времени уже нет. Пойду я!

– Сильно не гони.

– Спасибо, мамочка.

– А как быть с отцом? – крикнула мне вдогонку.

– Как решишь! Только позвони! И вообще, я надеюсь, что справлюсь быстро...

Что ответила Настька, я уже не слышала – двери лифта закрылись, и мы с тихим урчанием поехали вниз.

По дороге к телецентру пришлось потолкаться в пробках. Так что в приемную гендиректора я вошла, опоздав не меньше, чем на четверть часа.

– Где тебя черти носят?! Все уже собрались... – рыкнула Катя.

– Кто эти «все»? Да постой ты! Что вообще случилось?!

– Карапетяна повысили. Вот что! Думаю, тебя на его место хотят запихнуть.

Я открыла рот, но не успела ничего произнести, потому как дверь в приемную снова открылась, и на пороге возник... Гуляев. Собственной персоной. А, собственно, чего я хотела? Это же его шоу лишилось выпускающего продюсера за пару недель до старта нового сезона!

– Шеф у себя? – покрутив на пальце ключи от машины, поинтересовался он.

– Уже давно! Вас двоих только и ждут.

– Наверное, потому что у нас выходной вообще-то.

– Хоть ты не начинай, а? – взмолилась Катя. – И давайте уже... двигайте-двигайте, пока Королев окончательно не рассвирепел.

Гуляев хмуро на меня уставился, а потом дурашливо взмахнул рукой в направлении двери:

– После вас.

Катя улыбнулась. Я закатила глаза. Клоун – он и в Африке клоун.

Стараясь не хромать, я прошла в распахнутые настежь двери. В переговорной, кроме генерального, было еще полно народу.

– Добрый день. Прошу прощения за задержку...

– Ничего-ничего... Заходите. Присаживайтесь. Я вас долго не задержу. Стас, ты уже в курсе, что Карапетян переходит в дирекцию кино...

– Не то, чтобы... На последнем совещании обсуждалась такая возможность. Но не более.

– Ну, тогда у меня для тебя неприятные новости. Или... приятные. Тут как посмотреть, – улыбнулся генеральный. – Все ж Вероника гораздо симпатичнее Карапетяна. Да и вы, вроде бы, не чужие люди.

Я с трудом подавила истерический смех. Да уж... Знал бы Королев, как мы с Гуляевым расставались – ему бы и в голову не пришло поставить нас в один проект. Но ни я, ни Стас

не распространялись на эту тему. Мне было слишком больно и стыдно... Ему... понятия не имею. Может, просто хотел поскорее забыть о таком позорном факте своей биографии, как наш брак.

– А как же мои проекты? – возразила я, с трудом собравшись с мыслями.

– Да брось, Вер. Я тебе настоящее дело предлагаю. Ты знаешь, с каким рейтингом мы уходили на каникулы?

Я перевела взгляд на Гуляева. Тот самодовольно усмехнулся и, сложив руки на груди, вольготно откинулся в кресле.

Козел...

– Не хочу показаться неблагодарной, но у меня дочь, а шоу вечернее и...

– Вер, у меня желающих занять это место – вагон. Не хочешь – никто не станет тебя уговаривать.

Как будто я этого не знала! Звездой у нас был Гуляев. А все остальные – так... Обслуживающий звезду персонал. Даже удивительно, что для Стаса новость о моем возможном назначении тоже стала полнейшей неожиданностью. Я думала, Королев обсуждает с ним такие детали.

– Так что? Ты согласна? Времени нет совсем...

Разве я могла сказать «нет»? От таких проектов отказываются только дураки! Я столько лет мечтала поучаствовать в чем-то таком, глобальном, столько к этому шла, работая, как проклятая... Доказывая, что я без отца сама по себе че-

го-то стою, как специалист. Но в моих мечтах не было Гуляева. Факт...

– Ну, если Стас не против.

– Почему я должен быть против?

Один бог знает, чего мне стоило выдавить из себя улыбку и сладким голосом пропеть: «Ну, мало ли». Ведь на деле таких причин было великое множество.

– Отлично. К работе приступай незамедлительно.

– А как же выходной?

– На том свете отдохнем.

Прекрасно. Настька очень обрадуется... Хорошо, что в начале лета мы успели смотаться в Италию. Теперь-то вообще непонятно, когда удастся выбраться в отпуск.

– Наверное, мне оформиться нужно...

– Ага. Кате скажи. Она напряжет, кого надо.

Я кивнула, попрощалась со всеми присутствующими и похромала к выходу. В моей голове воцарился хаос, а в душе... В душе был полный раздрай.

– Ну, что там? Ты согласилась?

– Угу. Шеф сказал готовить документы на перевод.

– Отлично! Там знаешь какая прибавка... – заговорщицки подмигнула Катя.

– Боюсь, там придется так ишачить, что никаких денег не захочется.

– Да брось! Деньги еще никому не мешали... Слушай, а что это у тебя с ногой?

– Пустяки. Ударилась...

Отвлекая от разговора, у меня зазвонил телефон. Я повернула к себе экран и улыбнулась.

– Привет...

– Привет!

– Не разбудил?

– К несчастью, нет.

– А что так?

– Все то же. Меня в срочном порядке вызвали на работу.

– Только не говори, что наши планы срываются, – простонал Олег. Я рассмеялась. В его голосе сквозило такое явное неприкрытое разочарование, что это было действительно смешно... И очень... очень трогательно.

– Нет. Наши планы на вечер остаются в силе. К тому же...

– я закусила губу, усугубляя драматичность момента паузой,

– Настька сегодня собиралась остаться у отца.

– Серьезно? То есть ты сможешь остаться на ночь?

– Ну, если ты меня не прогонишь... – опять засмеялась я, развернулась и едва не налетела на стоящего за спиной Гуляева.

Глава 5

Ну, и какого черта он на меня так пялится? – вот, о чем я подумала первым делом, когда наши взгляды встретились. Да, ситуация вышла дурацкая. Но из нее можно было выйти с достоинством. Например, как-то остроумно прокомментировать происходящее. Гуляев бы оценил... Но, как назло, на ум ничего не шло. Это Стас у нас был королем юмора и импровизации. А мне только и оставалось, что смотреть в его глаза, старательно игнорируя потрескивающее вокруг напряжение.

– Ты закончила?

Гуляев чуть приподнял холеную бровь и с намеком перевёл взгляд на телефон, который я все еще прижимала к уху.

Я демонстративно отбила звонок, предварительно пообещав Вавилову перезвонить, сунула трубку в сумочку и, сладко улыбнувшись, пропела:

– Да. Я закончила. Ты что-то хотел?

– Угу. Я собираю группу... Раз уж мы все здесь, поработаем над первым выпуском.

– Ты шутишь? У меня...

– Выходной? – бровь Гуляева поднялась выше. А я осеклась.

– Похоже, уже нет, – заметила сухо.

– Вот именно. Знаешь, куда идти?

Я отрицательно мотнула головой.

– Тогда я тебя провожу, – осчастливил меня Стас, пропуская к выходу из приемной. Я с тоской покосилась на Катьку, с которой не успела перекинуться даже парой слов, и похромала к выходу. Моя бедная нога болела, чем дальше, тем сильнее.

– Что у тебя с ногой?

Я запнулась.

– Ничего особенного. Ушиб.

Между нами опять повисла неловкая тишина, которую Гуляев нарушил уже у лифтов:

– Как Настька?

– Да нормально. Сейчас на каникулах, а вообще... Учится. Ходит в танцевальную студию. И в художку.

– И что... есть какие-то задатки?

Не знаю, почему, может, я и впрямь охладела ко всему в гораздо меньшей степени, чем изначально думала, но попытки Гуляева завести ни к чему не обязывающий разговор меня только все сильнее злили.

– Конечно... Есть. Задатки нормального человека.

Тихонько выругавшись под нос, Стас пригвоздил меня тяжелым неподъемным взглядом к полу.

– Я же пытаюсь быть вежливым, Ника...

– Со мной? – искренне удивилась я. – Зачем? Я тебе уже знаю цену... Побереги силы для тех, на кого ты действительно

но сможешь произвести впечатление.

Высказала то, что накипело... И тут же пожалела. Не потому, что в моих словах не было правды. Но потому, что сейчас было не самое удачное время к ней возвращаться. Ведь мы планировали работать вместе. И вряд ли у нас это получится, если я каждый раз буду напоминать ему о том, как он со мной поступил. Но... с другой стороны, как иначе? Может быть, зря вообще я согласилась? Хотя... какое, к черту, «может»?! И дураку понятно, что напрасно я в это все ввязалась. Отец, когда узнает, с ума сойдет. А Олег? Я даже представлять не хотела, какой будет его реакция.

– Мне жаль, что я тогда так с тобой поступил.

Это было неожиданно. Очень. Так неожиданно, что я даже закашлялась. И что на это ответить? Шепнуть, куда он может засунуть свои запоздалые извинения? Или найти в себе силы принять их?

– Угу... – буркнула я, так и не определившись.

– Я поймал себя на том, что всегда останавливаюсь у детских площадок. Сейчас понастроили, знаешь, таких... красивых и современных. С безопасным покрытием и прочим дерьмом, а раньше...

– Не надо, – оборвала пустившегося в воспоминания бывшего, чувствуя, что если не сделаю этого... расплачусь или вцеплюсь в его морду. – Не смей. Не знаю, что творится у тебя в голове, и знать не хочу... Но не думай, что ты мне покаешься, и я отпущу тебе все грехи. Справляйся с этим

сам, понял?

Двери лифта, наконец, открылись, и я вывалилась из кабины, жадно хватая ртом воздух. Торопливо шагая вперед, чтобы он только не видел, как до сих пор мне больно...

– Ника, нам в другую сторону.

Сквозь нарастающий шум в ушах до меня донесся тихий голос Гуляева. Такой... особенный и запоминающийся голос. Стоит раз услышать – и все. Уже ни с кем не спутаешь.

– Конечно. Ты иди. Я только, – судорожно осмотрелась по сторонам и, завидев кулер, с облегчением пробормотала, – я только налью воды.

К счастью, Гуляев, обычно не отличающийся тактичностью, ушел. И только тогда я выдохнула. Достала стаканчик, набрала воды, чуть не расплескав половину, и залпом выпила. Налила еще. На этот раз руки тряслись уже меньше. Даже странно, что меня так пробрало. Я-то уже давно не вспоминала о прошлом. И жила вполне нормальной, счастливой жизнью. До тех пор, пока этот козел не стал мне каяться... Делая вид, что и ему не все равно.

С хрустом смяв стаканчик, я выбросила его в стоящую тут же урну и пошла к переговорной.

– А вот и Ника. Ждем только тебя... Друзья, кто не знает, Вероника Пестова. Наш новый выпускающий продюсер.

Дальше последовало представление мне остальных присутствующих. Одних я уже знала, а некоторых, например, большинство сценаристов, видела в первый раз.

– Так, я, вообще, зачем вас собрал? Есть тема... Надо бы внести изменения в сценарий первого выпуска.

– Что не так? – загудели. – Уже ведь все прогнали.

Я открыла лежащую перед глазами папку и пробежалась по тексту.

– Нам нужно вставить сюжет о больной девочке и объявить сбор средств. Предлагаю порезать рубрику «Детский взгляд».

– В развлекательной программе? Это шутка? – возмутился толстый как туча парень, в котором я узнала одного из самых главных креативщиков канала.

– Не самая лучшая идея. Обычно такие сюжеты вставляют в выпуск новостей... – согласилась Таня – главный редактор.

– Но ситуация касается меня лично... – Гуляев встал. Может, мне показалось, а может, он и впрямь на меня покусился, когда обходил стол по кругу. – Мне кажется, из этого можно замутить классную историю. Смотрите, как было дело... Мы писали новогоднюю программу, когда в последний съемочный день я нашел на площадке малышку... Подкидыша. – В переговорной поднялся шум, и Стас был вынужден постучать по столу, чтобы оборвать все разговоры. – Дайте договорить... Вчера мне позвонили и сказали, что девочка очень больна. Если бы речь шла о меньшей сумме, я бы не стал вмешивать в это канал. Своими бы силами справился. Но на лечение уйдет более двух лямов зелени. И на сбор этих денег остался какой-то месяц...

Гуляев – благодетель? Это прям что-то новое. Я закусила щеку и сделала вид, что меня действительно крайне увлек сценарий программы. Отстраняясь от обсуждения этой темы. Не зная, как вообще реагировать на происходящее...

– А почему молчит наш выпускающий продюсер?

Если бы можно было, я бы забралась под стол. Только чтобы вообще ничего не говорить.

– Соглашусь, что эта тема – не для вечернего развлекательного шоу, – пробормотала я, откашлявшись. Разрываясь между пониманием правильного и желанием помочь. Не просто какому-то далекому абстрактному человеку, а девушке, которую я успела узнать.

– Тут – смотря как преподнести. Давайте обыграем ситуацию. В подкасте я расскажу, при каких обстоятельствах нашел Дашку, поведаю о ее диагнозе... Это можно сделать смешно...

– Такой способ подачи информации вряд ли будет успешным. Тут, Стас, на жалость надо давить.

Гуляев помедлил, обдумывая слова Гарика, а потом принялся с азартом что-то ему объяснять. И было видно, что он горит своей идеей. По-настоящему. Как и всем, что делает. Он шутил, быстро записывал пришедшие в голову мысли, спорил до хрипоты с редакторами и сценаристами, но это всегда, даже в запале было... предельно корректно, что ли. Уважительно. Гуляев давал высказаться всем. Выслушивал аргументы, соглашался там, где мог и не делать этого, лобби-

руя свои интересы. Я впервые видела, как он работает. И меня это... восхищало. Особенно потому, что мне было с чем сравнивать... Начальников у меня до него было, как грязи.

Черт. Только этого мне и не хватало для счастья. Восхищения! Господи боже...

– Ну, что скажешь? – выводя меня из задумчивости, пробыл над ухом один из сценаристов – Иван.

– Скажу, что мы можем задействовать Стаса в репортаже о девочке для большего охвата. Но выйти он должен в новостях. Луканина я возьму на себя.

– И ты, Брут, – нахмурился Гуляев.

– А что поделать? – пожала я плечами, сгребая со стола документы. – Это я могу взять с собой? Хотела узнать побольше обо всех наших рубриках...

– В смысле? – насторожилась Таня.

– Никогда не видела.

– Ты никогда не видела Гуляй-шоу?

– Да как-то не приходилось, – ответила я. Еще раз проверила в сумочке – ничего ли не забыла, дернула молнию и поправила ремешок на плече. – Что? Почему вы все на меня так смотрите?

– Ты не видела ни одного выпуска самого рейтингового шоу страны? – сощурился Стас.

Ни единого. С чего бы мне это делать?

– Я ведь уже сказала... Извините, ребят, я, может, еще успею на послеобеденную летучку к Луканину. Вдруг удаст-

ся выторговать у них немного эфирного времени в вечерних новостях? Стас, ты, если что, когда будешь готов к записи?

– В любой момент, – ответил Гуляев, глядя на меня с тем самым своим знаменитым прищуром... Теперь вокруг его глаз собирались морщинки. А шесть лет назад их еще не было.

– Ну, тогда я свяжусь с тобой, когда все устрою. Номера для связи мне уже выдали, – я похлопала по сумке, где лежала распечатка с контактными номерами телефонов, улыбнулась застывшим в недоверии лицам и первая покинула переговорную.

К счастью, в дирекции информационных программ у меня оказалось достаточно связей, чтобы, заручившись поддержкой главреда, получить добро на съемку сюжета о нашем подкидыше в ближайшее время. Домой я возвращалась уставшая, но довольная собой. О Настьке вспомнила уже в лифте. Проверила телефон – дочка, отчаявшись мне позвонить, накатала сообщение в Телеграм, предупредив, что останется у отца. Там же зависли неотвеченные от Олега. Вот же черт! Я набрала его номер и, зажав трубку плечом, стала искать ключи.

– Привет! Извини, так замоталась на работе, что только увидела твои сообщения...

– Привет. Ну, да... ты так и не перезвонила, вот я и решил напомнить о себе.

– Я о тебе не забывала, – улыбнулась, справившись, нако-

нец, с замками.

– Меня это несказанно радует. Тем более что я уже думал ехать за тобой.

– Уже? А который час? – растерялась я.

– Ужасно поздний! Только не говори, что ты не готова!

Не готова – это мягко сказано! Вообще-то я планировала сходить в СПА, чтобы в нашу первую ночь поразить Олега своей красотой и свежестью. Но все мои планы, как вы понимаете, накрылись медным тазом. Из зеркала на меня смотрела замученная тетка, главным желанием которой было как следует отоспаться.

– Я только переступила порог. Дашь мне немного времени, чтобы принять душ?

– Даже готов потерять тебе спинку...

Голос Олега стал ниже. Чувственнее... Я сглотнула, ощущая, как на теле выступают мурашки. Радуюсь им, как своим добрым друзьям, которых долго не видела.

Олег приехал быстро. Минут через сорок. Я только и успела, что обмыться да переодеться. Чтобы не терять времени, он даже подниматься не стал. Я сама вышла к нему навстречу. Олег стоял возле своего Туарега, сжимая в руке букет белых лилий. Так мило. Мне давно не дарили цветов.

– Привет, – улыбнулась я, касаясь губами его щеки, заросшей частой белесой щетиной. Олег отличался от всех других моих мужчин не только профессией, но и мастью. Если честно, он вообще был не в моем вкусе. Но даже это было

скорее плюсом. Ведь раньше меня тянуло на каких-то смазливых подонков... – Давно ждешь?

– Не-а... Вер...

– М-м-м?

– А ты не против, если мы чуток изменим нашу программу? – Олег распахнул передо мной дверь. Я забралась в салон. Он навис надо мной, подперев локтем стойку.

– В каком смысле?

– Я этих всех ухаживаний уже вот так наелся. – Вавилов резанул рукой воздух у горла и развил мысль: – Ресторанов и долбанных выставок... А тут еще день такой – на работе дурдом.

– И-и-и?

– Поедем домой, а? Или это слишком... в лоб предложение?

Олег попытался сделать вид, что смутился, но вышло у него не очень. Я запрокинула голову и рассмеялась.

– Это да? Или нет? – усмехнулся он, демонстрируя милые ямочки на щеках.

– Да... ну, конечно, да, глупый.

Вавилов издал что-то вроде победного клича, захлопнул дверь и, оббежав капот, устроился за рулем. Улыбнулся, наблюдая за мной, смеющейся, и провел костяшками пальцев по моей скуле. Я облизала губы, замерев в томительном предвкушении.

В квартиру Олега мы ввалились, целуясь и сдирая друг с

друга одежду. На пол полетели его китель и мое летнее платье. Щелкнула пряжка ремня. Олег оторвался от моих губ, чертыхнулся. Брюки упали к его ногам, и он никак теперь не мог снять обувь. Я хохотнула и прижалась губами к его мощной шее.

– Мне бы в душ, Вер...

А мне не хотелось его отпускать... Я развела полы рубашки, прошлась ладонями по широкой груди, вниз. Он был в неплохой, хоть и не идеальной форме, но это тоже меня устраивало. Мне за глаза хватило идеалов... за глаза. Олег подтолкнул меня к шаткой тумбочке. Усадил сверху и потянулся к свалившимся брюкам... И практически в тот же момент у него зазвонил телефон.

Глава 6

Из дирекции новостей позвонили практически сразу же. Все же Нику ко мне перевели не зря. Она отлично себя зарекомендовала со старта, выторговав нам пару минут в послезавтрашних итоговых новостях. Но даже это не прощало ей того, что она не видела ни одного выпуска моего шоу. Ни единого! Понимаете? А я, признаться, порой представлял, что Ника сидит по ту сторону экрана и если не гордится мной (так далеко я не забегал даже в самых смелых своих мечтах), то хотя бы... хотя бы больше не злится.

Не то чтобы я вспоминал о ней часто... Нет. Обычно я, напротив, старался не думать о том времени. Так что мысли о Нике врывались в мою голову скорее тайком. Такими себе мародёрами... Стоило только потерять бдительность – и все. Здравсте, пожалуйста... А главное, чем дальше, тем чаще это случалось. Время не лечило, нет... Не стирало из памяти того, что забыть хотелось. Того, что позорной унижительной летописью было высечено у меня внутри.

Тот неловкий момент, когда, с одной стороны, тебе за самого себя стыдно, а с другой – ты понимаешь, что иначе поступить просто не мог. Или... выбор все-таки был?

Я отошел от окна и попытался сосредоточиться на новом выпуске шоу Джимми Киммела, которое планировал по-

смотреть до того, как меня вновь накрыло, но перед глазами все равно стояла она.

Знаете, я даже в страшном сне не мог представить, что мне придется жениться на Нике. Встречаться время от времени, трахать – да. Потому что Ника была моим входным билетом в тот мир, куда я не мог попасть сам, сколько ни пытался. Мир, где обитали воротилы из теле- и киноиндустрии, с которыми у меня... да просто не было шансов пересечься в обычной жизни. И ведь все шло как надо. Мой план работал. А потом дал сбой... Когда Ника сообщила мне о своей беременности. Она была такая счастливая в тот момент. Я же чувствовал себя хищником, угодившим в клетку. Мне даже казалось, будто я слышал лязг, с которым эта самая клетка за мной захлопнулась. Он потом еще несколько дней звенел у меня в ушах... Этот звук. Нашу свадьбу я помнил плохо. Слишком много выпил я в тот ненастный день.

Настроение резко испортилось. Я щелкнул пультом, потому что один черт ничего перед собой не видел, и схватился за телефон. Позвонил Гарику – своему сценаристу, узнать, как продвигались дела с сюжетом. Было решено, что мы запишем мой стенд-ап², вставим несколько лайфов³, снятых в

² Стенд-ап (на телевидении) – синхрон (реже лайф) самого корреспондента на месте события, как правило, заготовленный заранее.

³ Лайф – синхрон, в котором герой сюжета движется или совершает какое-либо действие.

больнице, а на перебивке⁴, как замануху – пустим кадры-спойлеры из новогоднего шоу.

– Слушай, а с больницей-то мы о съемке договорились?

– Вера обещала все организовать, – повысил голос Гарик.

– Вера?

– Ну, привет! Наш новый выпускающий...

Ах да. Теперь Вероника предпочитала, чтобы ее звали так. Интересно, что на неё нашло. Вера...

– Точно... Все время забываю. Слушай, что у вас там за дурдом? – перевел я тему, чуть отставляя трубку, чтобы не оглохнуть от льющегося мне прямо в ухо шума.

– Да мы тут в клубешник один забурились. На Профсоюзке, знаешь? У Гара дочь родилась – он выставляется. Хочешь, подтягивайся...

Приглашение прозвучало дежурно. Ведь в последнее время я забил на светскую жизнь... Просто пресытился ею в один момент. Пережрал... До отвращения. И во всяких «клубешниках» меня уже было не встретить.

– Это можно. Адрес скинь в Директ.

– Ты это серьезно?

– Почему нет? Начнется сезон – тут уж будет не до веселья.

– Димон, Гар... К нам Гуляев едет, – заорал в трубку Гарик так радостно, будто вместо меня обещала пригнать Бей-

⁴ Перебивка – план, который накладывается в месте склейки двух разных кусков синхрона.

онсе.

Я отбил звонок и пошел одеваться. Теперь я не слишком заморачивался по поводу внешнего вида. По крайней мере, там, где речь не шла о работе. Но я по-прежнему любил модные тряпки. Трушный мерч⁵, который сменил детдомовские обноски и купленное в сэконде барахло. Я понимал, что все эти дольчегаббаны и прада, заполонившие мой гардероб, – квинтэссенция всех моих детских комплексов. Но я не собирался с ними бороться. В конце концов, это то, что я мог себе позволить...

К клубу я добрался довольно быстро. На входе тоже не возникло проблем – я уже давно был во всех VIP-списках. Но даже несмотря на это, у меня внутри до сих пор что-то екало, когда я проходил мимо вышибал. И сколько бы ни прошло времени, я один черт чувствовал себя самозванцем на чьем-то празднике жизни и так и ждал, что мне укажут на дверь. И это дерьмо меня здорово напрягало. Напрягало так сильно, что в попытке избавиться от этих комплексов я даже обратился к психотерапевту. И мы регулярно прорабатывали этот момент на наших встречах. Вот только результата пока не было.

К психотерапевту... Понимаете? Я ходил к гребаному мозгоправу...

⁵ Трушный мерч – сленговый термин, который используется в сфере ритейла и в быту для определения товаров с символикой определенного бренда. Оригинальное изделие.

В полутемном гудящем, как улей, зале найти своих было не так-то легко. Но, к счастью, я заметил Гара у бара. Тот был уже хорошо вмазан и счастлив просто до соплей. Я стукнул приятеля по спине.

– Выглядишь страшно довольным.

– Ага... Девка. Прикинь, я – батя.

– Это довольно сложно. Прикинуть...

– Эй! – подтолкнул меня плечом Гар. – Я остепенился.

– Вижу, – откровенно засмеялся я и взмахом руки велел бармену налить мне виски. Красивыми отточенными движениями тот плеснул бурбона в стакан, добавил льда и подтолкнул хайбол в мою сторону. Я перехватил его уже у самого края стойки. Поднес к губам, но так и не отпил, наткнувшись на полный неприкрытого интереса взгляд стоящей чуть поодаль девицы. Ей было интересно, да... Не то, что мне. Я так устал от того, что бабы сами на меня вешались, лишая самого главного... удовольствия от процесса охоты, что в какой-то момент вообще перестал получать удовольствие от секса. Даже в дрочке было больше азарта. Ей богу.

Я прочертил глазами линию от слишком ярко накрашенных глаз, вниз по тонкой шее, к впечатляющему декольте и еще ниже... по длинным тощим ногам в туфлях-копытцах. Разве такие не вышли из моды еще пару лет назад?

– Ну, ты идешь? Или тебя уже можно не ждать? – подтолкнул меня в бок локтем Гар и с намеком покосился на девицу. Та улыбнулась. Я задумчиво постучал по стойке, при-

кидывая в уме, стоит ли она моего времени. Да и вообще... насколько оно мне надо.

– Иди сам. Я догоню.

– Мы в лоджии. По лестнице – вторая дверь направо, – подмигнул Гар.

Я проводил его взглядом и переключился на девушку. Ее звали Алена. Мне понадобилось пару минут, чтобы прийти к неутешительным выводам: даже секс не станет мне достойной наградой за терпение, такой ограниченной она оказалась. Глупость я не переносил. Все, что угодно, но только не глупость... У меня на нее была аллергия. Я махом осушил стакан, вытряс в рот остатки льда, чтобы остыть, и встал со стула.

– Эй, ты куда, Стас? – ошарашенно уставилась на меня Алена, решившая, будто уже сорвала джек-пот в моем лице.

– Извини. Срочное дело.

– Ты серьезно? – прилетело в спину, но я лишь взмахнул рукой и пошел к лестнице. Про какую там дверь говорил Гар? Так и не вспомнив, я взлетел по ступенькам и толкнул первую попавшуюся. Картина мне открылась занятная. Я чуть не блеванул. Дима Кравец, заходящая звезда нашей многострадальной эстрады и по совместительству первый муж моей бывшей жены, склонившись над зеркальной поверхностью стола, как раз сметал ноздрей дорожку кокса.

– Ты бы хоть закрылся, – заметил я, но Димыч был таким обдолбанным, что ему все нипочем было. Я тихо выматерил-

ся, захлопнул дверь, чтобы не видеть этого дерьма, и в тот же миг ощутил легкий толчок в бок...

– Эй, полегче.

Врезавшаяся в меня девчонка резко отступила. Подняла на меня наполненный паникой взгляд, и я... охренел. Натуральным образом. В который раз за этот вечер.

– Настя?

Она тоже меня узнала. За секунду на лице девочки сменилось столько самых разных эмоций. От облегчения до страха. Чего она боялась?

– Эй, дэвачка! Ты куда это собралась?

Настька затряслась как осиновый лист, вся сжалась. Я повернул голову на звук. Выйдя из двери, расположенной в глубине коридора, к нам направлялся разгоряченный горец... Его намерения были вполне очевидными, недаром ведь вон как Настьку трясло... Я перевел взгляд на девочку. Вымахала она, конечно, будь здоров. Может, даже выше Ники стала. А ведь все равно – дите дитем. Непонятно только, как оказалась в этом гадюшнике.

– Спускайся вниз и жди меня возле вышибал на входе, – велел я Насте. Думал, она спорить будет – раньше ведь, когда малой была, все время пререкалась, хлебом не корми. Но в этот раз, видать, струхнула по полной. Даже не пискнула. Рванула со всех ног к лестнице, я даже толком не сумел сориентироваться.

– Какого хре... – сжал кулаки мужик, но в тот же миг я

вышел из тени, и пыла в нем поубавилось. – Гуляй-шоу? Ну, ни хрена себе, брат. А я не признал тэбя...

Что я ненавидел практически в той же мере, что и глупость? Фамильярность. К несчастью, чем известнее я становился, тем чаще сталкивался и с тем, и с другим. Но тут уж было не до политеса. Ситуацию следовало замять. И желательно – отделаться при этом малой кровью. Что представлялось не так-то легко, учитывая темперамент кавказцев и ситуацию в целом.

У меня ушло почти четверть часа, чтобы все уладить. Сфотографироваться с друзьями недоделанного Донжуана и выпить с ними же. Когда я всеми правдами и неправдами освободился от их компании, думал, что Настюхи уже и след простыл. Но она, бледная, как мел, стояла чуть в стороне от выхода, нервно теребя бахрому на сумке.

– Маме не звонила?

– Нет, – прошептала она, облизав губы.

– Позвони... – велел я, пропуская ее в широко распахнутые двери. Настя запнулась и отчаянно затрясла головой.

– Нет! Не надо... Не хочу портить ей вечер.

Серьезно? Портить вечер?! Что-то мне подсказывало, что Ника хотела бы знать, куда угораздило вляпаться её несовершеннолетнюю дочку.

– Ты хоть понимаешь, что с тобой чуть не произошло? Как ты вообще очутилась в компании этих... этих...

Я не мог подобрать цензурных слов. Вот серьезно. И по-

чему-то только сейчас, оказавшись в безопасности, я до конца осознал, чем для Настьки могло закончиться дело, не оказись я поблизости.

– Насть! Ну, что ты молчишь? Ты сюда, что, с подружками забурилась? Нервишки захотелось пощекотать, или дохрена взрослая стала?

Девчонка переступила с ноги на ногу. Пожевала губу, а потом закинула на плечо ремешок сумочки и бросила мне короткое:

– Да пошел ты. Тоже мне, полиция нравов...

– Постой! Я не хотел тебя обидеть. Но Ника должна знать...

– А я ничего и не собиралась скрывать! Расскажу. Только не сегодня. Не хочу ей свидание портить.

Настька вызывающе вздернула подбородок, но весь эффект портился тем, что ее до сих пор легонько потряхивало. Надо бы полегче с ней, и так девчонке досталось. Но ведь сама же и виновата! Или... нет? А куда Ника смотрит? Вся в тумане любви, или что?

– Пойдем, – бросил зло, – отвезу тебя домой.

– Я и сама могу добраться.

– Видел я уже, как сама. Подружки твои там остались? Их хоть не надо выручать?

– Нет никаких подружек.

– А с кем же ты пришла? С парнем? – запнулся, широко распахнув двери Бэхи.

– С отцом, – прошептала Настя, но тут же ошетибилась снова: – Впрочем, тебя это не касается.

Наверное, так и есть. Но я не мог пройти мимо этой девочки. Мы здорово сблизились в свое время. Настька для меня стала настоящей семьей. А потом я все испортил... Так! Стоп... как это с отцом? С этим обдолбанным ублюдком?

Я велел Настьке пристегнуться и захлопнул дверь. Слишком резко. Она даже вздрогнула. А я... Черт, не знаю... Меня разрывало от злости.

– И кому пришла в голову эта гениальная идея? Судя по виду – точно не тебе.

Настька провела ладонями по тощим, обтянутым джинсой бедрам и, ничего не ответив, закусил губы. А мне и не нужен был её ответ. Девчонки, если в клуб собираются, надевают все лучшее сразу. Тут же было видно, что ничего такого она и близко не планировала. Джинсы, кеды. Самая обычная майка. И никакой косметики. Хотя обычно малолетки, желая выглядеть старше, размалевываются только так...

– Папа позвал меня к себе. Мы планировали поехать за город, но потом ему кто-то позвонил. И вот... Ой, погоди... Его же нужно предупредить, что я уехала.

Я покосился в зеркало заднего вида, перестроился в крайний правый ряд и включил поворотник.

– Поверь, он твоего отсутствия даже не заметит.

Настька сдулась. Может быть, даже догадываясь, на что я намекаю. А я не то чтобы это пытался скрыть. Понимал ведь

прекрасно, что молодежь сейчас продвинутая. Просто не хотел, чтобы ее эта грязь хотя бы вскользь коснулась. Желание вернуться в тот клуб и как следует ввалить Настькиному горе-папаше душило. Дальше ехали молча. Думая каждый о своем. Лишь у дома Настя встрепенулась.

– Свет почему-то горит...

– А что, не должен?

– Не-а. Мама у Олега ночует. Это ее бойфренд.

И снова этот вызывающий взгляд из-под ресниц. Неужели и впрямь не догадывалась, что я в два счета просек ее желание заставить меня ревновать? Как будто это было возможно...

– Если боишься – могу подняться с тобой.

Настька бы и под пытками не созналась в том, что чего-то боится. Тут я маху дал. Думал, пошлет меня куда подальше. Но страх оказался сильнее. Девчонка надменно кивнула. Своим согласием одаривая меня, будто царской милостью. Я усмехнулся тайком и вышел вслед за ней из машины.

За то время, что меня здесь не было, ничего практически не изменилось. Даже замок открылся с тем же знакомым до боли звуком. А вот музыка, что гремела в колонках, была чем-то новеньким.

– Оксимирон, – закатила глаза Настюха, – Отбой. Мама дома...

Глава 7

Олег выругался. Хотя обычного он этого себе при мне не позволял. Даже своих друзей одергивал, когда мы собирались одной большой компанией. Не то чтобы в этом была хоть какая-то необходимость...

– Извини, мне нужно ответить. У нас двойное убийство на участке и...

Я взмахнула рукой, не дав ему договорить. Мол, конечно-конечно... Я все понимаю.

Олег резко выдохнул, опять матюгнулся. Погладил меня по щеке, опалив напоследок голодным взглядом, и вернул на место болтающиеся на щиколотках брюки. Ситуация была – глупее не придумаешь. Я вся взлохмаченная, с расстегнутым на груди платье и со сбившейся на талии юбкой. Он – суетливо натягивающий штаны... Как будто, ответь он в трусах, это бы уронило его достоинство. Застегнув ширинку, Вавилов выудил из кармана пиликающий телефон и скрылся за дверями спальни. Я попыталась встать, но в квартире стояла такая адская жара, что выступившая на коже испарина приклеила меня к полированной поверхности тумбочки, как суперклей. Я насилу смогла отлепиться и слезть, чтобы привести себя в порядок. Не дожидаться же мне его вот так... с призывно раздвинутыми ногами. И подолом, задранным ед-

ва ли не на голову. Я одернула юбку. Непослушными пальцами застегнула пуговички... Уставилась на себя в отражении небольшого зеркала, висящего над той самой злополучной тумбой, и захохотала, вцепившись обеими руками в край.

– Все хорошо? – раздался голос за спиной. С трудом нацепив на лицо маску серьезности, я кивнула. Вавилов выглядел ужасно раздраженным и... виноватым. А мне уже как-то пофигу было. Я сразу поняла, что никакого продолжения не будет. У меня даже мысль закралась, что, может, кто-то меня специально останавливал от этого последнего шага.

– Абсолютно. А у тебя? – я кивнула на телефон, который Олег так и не вернул обратно в карман.

– А я, мать его все дери, должен уехать.

– Ох... Ладно. Что-то на работе?

– На ней, родимой. Будь она неладна!

– Ну, что ж теперь. Сейчас... Я только сумочку найду. Не помнишь, где я ее бросила?

Вавилов осмотрелся. Провел широкой ладонью по ежику на голове, и неуверенно поинтересовался:

– Может, все же останешься?

– Здесь? – широко распахнула глаза. – У тебя? Не-е-ет... Нет, пожалуй. Ты ведь, наверное, даже не знаешь, когда освободишься?

– Не знаю, но постараюсь побыстрее.

– А если не выйдет? Нет, Олеж... Лучше отвези меня домой. А если быстро справишься – приезжай ко мне. Насть-

ка-то у отца сегодня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.